
“ГАБИТУС” ВМЕСТО “СОЗНАНИЯ”: ТЕОРИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТ

Ю.Л.Качанов, Н.А.Шматко

(Москва)

Предложено определение габитуса как дорефлексивного *cogito*. Обоснован метод измерения габитуса. Эта операционализация габитуса формирует специфический предметный универсум — пространство различий между испытуемыми — и проецирует его в пространство различий между социальными позициями.

Ключевые слова: сознание, габитус, практические схемы, социальная позиция, социальное различие, классификация.

Трансцендентальный принцип и рефлексивная концепция сознания

В социологии познание такого сверхчувственного предмета как “сознание” развертывается в форме приписывания ему предикатов. (Например, “сознание отражает интересы” или “массовое сознание есть совокупность социальных представлений”.) Согласно “трансцендентальному принципу”¹, эти предикаты неразрывно связаны со способом, посредством которого мыслится “сознание”. Со времен И.Канта считается, что “трансцендентальный принцип”, в отличие от “имманентного”², не может быть адекватно применен эмпирически, поскольку выходит за рамки

¹ Выходящий за пределы чувственного опыта и эмпирического познания социального мира.

² Ограниченного данными чувственного опыта о социальном мире.

любого возможного опыта. Однако повсеместно происходящее в социальной практике науки объединение этих принципов делает возможным рассмотрение такого умопостигаемого предмета как “сознание” через его трансцендентальную связь с имманентными предикатами. В результате получаются трансцендентально-эмпирические химерические структуры, соединяющие всеобщее и особенное, онтологическое (относящееся к порядку бытия) и онтическое (относящееся к порядку сущего). Примером может служить “массовое сознание” или суждения типа “идентичность — ядро сознания”. Отсюда предикаты (“интересы”, “социальные представления”...) как трансцендентальные принципы становятся в социологии основными определениями социологических предметов (“социальная группа конституируется интересами”, “социальный институт как совокупность представлений о нем”...). Причем любой трансцендентальный принцип является “ценностью” в смысле В.Виндельбанда или Г.Риккерта, то есть общим принципом целесообразной деятельности, с помощью которого человек приписывает объектам материального и духовного мира практическую значимость, побуждающую его действовать определенным способом [1]. В свою очередь, каждая такая “ценность” есть точка зрения, обуславливающая горизонт, в котором только и открываются социальные феномены (ср. [2]). Эти “определения” совершенно абстрактны. На каком же основании их можно считать не только онтологическими, но и онтическими?

Как известно, онтология представляет собой “учение об *абстрактных определениях сущности*” [3, с. 140]. Она приписывает сверхчувственным предметам предикаты, содержание которых “...основано лишь на *представлении*, на *заверении*, что под этим словом разумеют именно то-то и то-то...”, а не на истинности или эмпирической полноте [там же]. Трансцендентальный принцип делает из “сознания” абстрактное всеобщее понятие: собственно о сознании почти ничего не

сообщается, а раскрывается лишь то, как социальная теория полагает его понятие, само же сознание считается всегда уже готовым. Неявное трансцендентальное в любом умопостигаемом предмете, подлежащем социологическому изучению, — вот во что трансцендентальный принцип в социальной теории превращает сознание. Таким образом, в социологии “сознание” становится безусловным *a priori* любого социального явления. Сплав трансцендентального принципа со своим сверхчувственным предметом — “сознанием” — порождает особый трансцендентальный предмет. Специфика “сознания” заключается в том, что, во-первых, оно “выводится” непосредственно, а не путем умозаключений и, во-вторых, относится к другим сверхчувственным предметам как к чему-то чувственному, отсюда, опосредствующим моментом этого отношения выступает уже не трансцендентальный, а имманентный принцип.

Сознание не устанавливает связи между агентом и предметом, поскольку эта связь есть сам агент (ср. [4]). Нельзя утверждать, что сначала у агента сознание отсутствует, а затем наступает о-сознание не-сознательного и тем самым — возникновение сознания. Иными словами, “сознание” не есть результат или второй этап “о-сознания”: неверно было бы полагать, что прежде имеется некая стадия не-сознательного (отсутствие сознания), а потом происходит “о-сознание” бес-сознательного и тем самым — рождение сознания.

Итак, речь идет о том, чтобы обосновать сознание рефлексией и, тем самым, заручиться ее поддержкой на гарантируемых ею условиях существования сознания, при этом не обращая внимания на постоянно растущее неподчинение сознания социальных агентов законам рефлексии. При таком подходе сознание возникает благодаря рефлексии. Между тем рефлексия есть обращение сознания на себя самоё (см.: [3, с. 206, 281—282.]). Но в момент, когда агент пытается “осмыслить себя”, “осознать себя” и т. п., он не идет к “себе”, а исходит из себя. Дело в том,

что когда агент мыслит предмет, то он мыслит при этом не себя, но этот предмет; то есть предмет есть содержание его сознания. Второй этап — обращение мышления с предмета на того, кто воспринимает этот предмет, на самого мыслящего агента. Это и есть рефлексия. Отсюда следует, что “Я” агента, его сознание — такой же предмет сознания, как и все другие, как внешние сознанию предметы. Но этого не может быть по определению. Получается, что описание сознания через рефлексию содержит логический круг. А это значит, что его нельзя применять в научной практике. Ни один исследователь не сможет приложить его к экспериментальной ситуации: если допускается существование сознания, и в то же время его описание содержит логический круг, то следует допустить, что верным окажется и любое другое его описание, включая такое, которое утверждает отсутствие сознания. В самом деле, как социальный агент (в отличие от трансцендентального Субъекта) может узнать, что предмет, который он мыслит, и есть сам агент, если он обнаруживает лишь предмет, о котором ему известно исключительно то, что о нем до рефлексии не было ничего известно? Это только предмет, который никоим образом не может довести до сведения агента, что этот предмет — он сам! Чтобы разрешить это противоречие, можно постулировать “непредметное сознание”, или “нететическое самосознание”, или дорефлективное *cogito* — “Я” или “самость” социального агента как некую изначальную для него действительность¹. “...Я — то Я, которое мы все знаем, которое подразумевает обыкновенный язык... — не создает ни внешнего объекта, ни себя самого, но тот и другой полагаются...” [5] или

¹ *Ego cogito* — достоверная для познающего агента достоверность его самого, выражающая субъективную уверенность в реальности собственного Я. Внутренним содержанием этой “самодостоверности” обычно полагаются интенционально конституированные переживания и акты я-образной жизни сознания. В феноменологии практики и практические отношения агента идеализируются до степени

производятся механизмами, порождающими социальные явления — социальными отношениями.

Габитус как дорефлективное cogito

Что же составляет содержание “самости” агента? Это содержание ближайшим образом должно быть связано с тем, что существует в социальной действительности независимо от сознания и воли агентов, то есть с социальными отношениями. В то же время, дорефлективное *cogito* агента не может быть сведено непосредственно к этим объективным структурам, поскольку оно в сущности есть универсальная опредмечивающая деятельность (см.: [6]). Опыт сознания производится агентом, а не сознанием. Дорефлективные пред-знания не являются свободным выбором чистого разума, здравого и расчетливого, но функционируют как диспозиции, выросшие из привычек, и склоняют действовать определенным образом в той же мере, что и думать (см.: [7]). Отсюда, “самость” агента представляет собой ансамбль интериоризированных социальных отношений, который мы, используя терминологию П. Бурдьё, называем *габитусом*. Это означает, что габитус есть необходимое условие возможности практик, их инкорпорированная “модель”, совокупность схем производства практик агентом. Можно представить “габитус” агента как ансамбль субъективных значений совокупности объективных структур, в которые агент был интегрирован в процессе своей социализации. Габитус, как причина практик агента, недоступен непосредственному социологическому измерению и выводится лишь опосредствованно, на основании производных

интенционально конституированных переживаний и актов сознания. Дорефлективное *cogito* утверждает в качестве глубинного содержания агента не трансцендентальное сознание, а ансамбль фактических социальных отношений и практик.

от него практик. Другими словами, концепция габитуса практически однозначно определяется совокупностью социологических наблюдений, но никакое логическое обобщение с однозначностью не ведет от измерений к базовым построениям этой концепции. Лежащий в основании “габитуса” принцип “предустановленной гармонии” между объективными и субъективными структурами, гармонии, проистекающей из особенностей генезиса субъективных структур, — важный, но логически недоказуемый принцип социологической теории.

Итак, нами постулируется, что объективные социальные структуры интериоризируются в форме социально структурированных *ансамблей практических схем*, или инкорпорированных структур — “габитусов”, предрасположенных функционировать как структурирующие структуры, порождающие практики и представления (см. [8, с. 191—192]). В понятии “габитус” важно не столько то, что он может быть представлен в качестве системы схем производства практик, сколько то, что он соединяет “социальные отношения” и “агента”. Габитус определяется своим *происхождением* — тем, что он есть *интериоризированный ансамбль социальных отношений*; а также своим *положением* в системе производства практик — тем, что он является одновременно *результатом интериоризации (объективных) социальных отношений и необходимым субъективным условием производства практик*. Габитус представляет собой структурированную систему практических схем, предрасположенную функционировать как структура, формирующая все практики агента таким образом, что они оказываются адаптированными к системе социальных отношений, продуктом которой он является. Габитус есть воспроизводство внешних социальных структур под видом внутренних структур личности [9, с. 175; 10]. В процессе интериоризации, то есть практического освоения принципов производства практик, не достигающего дискурсивного и рефлексивного уровня, агент имитирует практики других.

С одной стороны, как совокупность практических схем, выступающих в качестве принципов практической классификации, видения и деления, габитус есть “социальное чувство”, то есть нечто спонтанное и нерациональное. С другой стороны, будучи совокупностью интериоризированных моделей практик, он обеспечивает структурированность импровизаций агента, упорядоченность его непреднамеренной изобретательности, которая находит точки отсчета и опоры в полностью готовых “формулах”. К ним относятся, например, такие бинарные оппозиции, как господствующее/подчиненное, форма/содержание, сила/слабость, центр/периферия, высокое/низкое [9, с. 182]. Габитус стремится устранить случайные обстоятельства из любой социальной ситуации, с которой он сталкивается, и переформулировать ее в задачу, принципом решения которой он располагает.

Габитус — это способность свободно производить практики, но в то же время это жесткий каркас, ограничивающий эту производительную способность. Он не допускает “...ни создания чего-либо невиданно нового, ни простого механического воспроизводства изначально заданного” [11, с. 92]. С этой точки зрения “...агенты никогда не бывают свободны, но никогда иллюзия свободы (или отсутствия принуждения) не бывает столь полной, как в случае, когда они действуют, следуя схемам своего габитуса, то есть объективным структурам, продуктом которых является сам габитус: в этом случае агенты ощущают принуждение не более чем тяжесть воздуха” [9, с. 182].

Проблема измерения габитуса

Понятие “габитус” недействительно вне соотнесенности с экспериментальной ситуацией, в которой осуществляется измерение. При этом применение нашей концепции требует разрыва между габитусом и экспериментатором: в дополнение к измеряемому [габитусу] нужно сконструировать комплекс

измерительных средств, который не был бы включен в него, но помещался на стороне экспериментатора. Это означает, что любые свойства габитуса (любая из образующих его практических схем) существуют или имеют значение для социологии исключительно в связи с конкретными средствами измерения в конкретном эксперименте.

Наш подход к исследованию габитуса значительно отличается от подхода П. Бурдьё: у него габитус определяется через латентные, ненаблюдаемые свойства, мы же исходим лишь из того, что может непосредственно наблюдаться и измеряться. Мы отказываемся от изучения ненаблюдаемых ментальных сущностей, придерживаясь принципа “научного реализма” [12], поэтому не принимаем к рассмотрению выделенные П. Бурдьё промежуточные понятия, а фиксируем непосредственные манифестации габитуса. Мы используем методiku, которая включает комплекс измерительных средств, позволяющих изучать габитус как структурный инвариант социальных различий, производимых испытуемым в экспериментальных условиях.

Основная методическая проблема измерения габитуса состоит в том, что составляющие его практические схемы являются лишь условиями возможности производства практик и не могут быть измерены непосредственно. Наш подход состоит в том, чтобы непосредственно измерять практики агента и далее конструировать габитус как структурный инвариант этих практик. При этом единицей измерения мы полагаем *различие*. Любая практика есть различие: когда агент что-либо совершает, он отличает себя от предмета своей практики, что и как он делает, отличает его предмет деятельности от других, его способ и манера действия отличается от характеристик других агентов и т. д.

Связь между существенными характеристиками определенных социальных и экономических условий и отличительными чертами, которые обычно ассоциируются с какой-то позицией в пространстве стилей жизни, можно объяснить действием

габитуса. Он позволяет соединить одновременно и классифицируемые практики, и их результаты (социальные различия), и суждения, которые превращают эти практики и производимые ими социальные различия в систему отличительных признаков. Габитус как целостная и переносимая из ситуации в ситуацию система практических схем постоянно и повсеместно прикладывается (выходя за границы условий собственного формирования) ко всему окружению, превращая совокупность практик агента (или группы агентов) в характерный стиль жизни. Поскольку различные условия существования производят разные габитусы, постольку порождаемые различными габитусами практики представляют собой упорядоченные конфигурации свойств, которые выражают социальные различия, содержащиеся объективно в условиях существования, как систему дифференцирующих расхождений. Воспринимаясь агентами (которые для этого должны иметь необходимые схемы восприятия и оценки), эти расхождения и соответствующие им черты функционируют как стили жизни. Общий принцип здесь следующий: условия существования определенного класса и положение индивида в общей структуре условий существования (структурирующая структура) формируют определенный габитус (структурированную структуру, действующую как структурирующая структура); габитус лежит в основе, во-первых, схем, порождающих практики, а во-вторых, — схем восприятия и оценивания (что обычно называют вкусом); далее, и те, и другие ответственны за выбор определенных занятий, предметов, точек зрения и т. д., которые в итоге формируют определенный стиль жизни. Соответственно, другой класс условий существования индивида порождает другой габитус, другие практические схемы и в итоге — другой стиль жизни.

Вышесказанное не означает, что мы сводим социальную позицию к совокупности связанных с ней схем социального восприятия. Первичным для позиции является социально

закрепленная за ней и не зависящая от воли и сознания людей объективация социальных отношений в ансамбле условий и предпосылок практик. Именно в силу первичности социальных отношений определение позиции в социальном пространстве не может быть подменено вычленением практических схем агентов. Мы можем уверенно работать с практическими схемами, только если этой работе предшествует статистическое конструирование позиций: адекватно понять социальную феноменологию можно только после радикального разрыва с ней (то есть с предпонятиями обыденного опыта) и “объективного” (статистического) анализа. Вместе с тем, без привлечения “субъективного” материала (практических схем агентов, социальных представлений) объективный анализ будет таким же неадекватным, поскольку не принимает в расчет второй, субъективный план структурирования социальной действительности.

Социология стремится отразить структуру позиций социального пространства, выстраивая ее на основе объективации социальных отношений. Однако чтобы последние воспроизводились, они должны быть интериоризованы, усвоены, каким-то образом “интерпретированы” агентами и превращены в практические схемы, в том числе и в схемы социального восприятия этих отношений, а, следовательно, — позиций социального пространства¹.

Каждая социальная позиция есть *различение* — совокупность всеми узнаваемых и признаваемых, институционально гарантированных практических схем, представляющих различия данной позиции от других как социально значимые, существенные. Однако отсюда вовсе не следует, что агенты адекватно воспринимают объективно существующие социальные позиции, которые социология может выделить с помощью статистического анализа. Наша задача — определить, в каких

¹ Социальная позиция — “структурная единица” социального пространства, совокупность объективированных общественных

границах возможно использование практических схем не только как предмета самостоятельного исследования, но и как его средства. Это означает установление соответствия между структурой социальных позиций, сконструированной социологом на основе статистического анализа, и структурой практических схем. Конечно, такое соответствие неоднозначно: обыденный опыт укрупняет позиции, делает из них некий конгломерат, “склеивая” две-три позиции, которые воспринимаются как одна. Кроме того, некоторые важные, но не представленные в обыденном массовом опыте, или новые позиции могут в какой-то период времени не иметь соответствующих легитимных практических схем. Следовательно, мы можем сказать, что практические схемы, входящие в доксу¹, рисуют принципиально неполную, недетализированную картину социальных позиций. Вместе с тем, эта картина в общих чертах гомологична структуре социальных позиций, выделяемой социологией.

Разработанная нами методика направлена на выявление габитуса, проявляющегося как практические классификации предметов социального мира. В соответствии с тезисом о том, что габитус есть “выбор без выбора”, измерение реализуется как классификация специально отобранного стимульного материала по произвольному основанию. Чтобы зарегистрировать имеющиеся у испытуемых практические схемы, мы просили их сгруппировать на произвольное количество групп карточки с фотографиями

отношений, выступающая условием и предпосылкой практик агентов. (Подробнее см.: Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Как возможна социальная группа? (к проблеме реальности в социологии)//Социологические исследования, 1996. №12. С. 91—94 и след.)

¹ От греч. δοξα — “мнение большинства” (Аристотель. О софистических опровержениях. 173а 30), представление, правдоподобное (но не обязательно истинное) предположение. Докса — это явление в смысле кажимости, “мнение” как обыденное пред-знание и здравый смысл.

всевозможных предметов социального мира, так, чтобы карточки, попадающие в одну группу, были бы в некотором отношении ближе друг к другу, нежели к карточкам из других групп.

Представленные на карточках люди, события и действия, социальные ситуации соотносятся с различными социальными позициями, в некотором отношении типичными для сегодняшней российской социальной действительности. Чтобы по возможности полно представить эти социальные позиции, мы использовали 200 карточек (отобранных из 500 в ходе предварительного эксперимента, цель которого состояла в поиске изображений, максимально дифференцирующих выборку). Речь идет о фотографиях “типичных” социальных ситуаций¹, включающих хорошо узнаваемые практики² и предметы (такие “знаки социальных отношений”, как, например, попрошайничество и престижный автомобиль BMW740i, интерьеры и витрины магазинов разного класса...), закрепленные за отчетливо различимыми социальными позициями, а также о карточках с названиями социально-профессиональных категорий. Основными принципами построения социально-профессиональных категорий были: последовательное проведение различий между хозяевами и наемными работниками, построение “решетки” категорий по

¹ Социальное разделение практик на фиксированные формы и виды “постоянно приводится к своей общественно пропорциональной мере” (*Marx K. Das Kapital//Marx K., Engels F. Gesamtausgabe: MEGA. Berlin: Dietz, 1987. Abt. 2. Bd. 6. S. 106.*), которая выражает историческую необходимость распределения практик между агентами и влечет за собой возникновение “простейших, массовидных”, “миллиарды раз встречающихся” социальных ситуаций.

² Практики суть все то, что делают агенты, включая, разумеется, и целесообразные преобразования предметов, взятые в их социальных формах. Практики не могут быть сведены ни к объективному научному познанию, ни к субъективному опыту сознания, а являются действительным осуществлением социальных отношений. Практики —

признаку квалификации, фиксация места в иерархии по образованию и квалификации. Социально-профессиональные категории строились как узлы на пересечении этих трех оснований. Были получены 32 социально-профессиональные категории по типу деятельности, статусу (наемный — нет) и квалификации, учитывающие также область занятости (ср. [13]). Помимо этого стимульный материал включал в себя фотографии людей, “представляющих” различные социальные позиции. Это люди-образы, некие “социально-типичные” изображения (водитель грузовика, студент в аудитории, врач в своем кабинете, руководитель фирмы на деловом совещании в офисе...), а также всем известные политики и деятели культуры, олицетворяющие собой устойчивые и понимаемые более или менее однозначно политические или социокультурные позиции. Помимо этого, испытуемым предъявлялись карточки с указанием названий и авторов литературных произведений (от “Илиады” Гомера до “Чапаева и Пустоты” В. Пелевина), а также карточки с репродукциями живописи разных времен и направлений (от “старых мастеров” до М. Шемякина и И. Кабакова).

Испытуемый, так или иначе классифицируя стимульный материал, производит серию различий первого порядка. (Эти различия можно фиксировать в виде матрицы, составленной из значений характеристической функции, которая равна 1, если соответствующие ей пары карточек попали при классификации в одну группу, и равна 0 — если в разные.) Значение данной серии различий нельзя понять из самих этих различий, взятых изолированно, а только из соотнесения с другими различиями. Это значение есть система различий второго порядка, взятая как система различий между сериями различий первого порядка.

события социального мира, а событие есть производное от изменения. Можно сказать, что практики являются изменениями социального мира, производимыми агентами.

(Различия второго порядка можно представить в виде матрицы, составленной из значений характеристической функции, которая равна 1, если соответствующие ей различия первого порядка оба принимают значение 1 или оба принимают значение 0, и равна 0 — во всех остальных случаях.) Принципиальная неполнота нашего стимульного материала снимается в эксперименте тем, что важны не сами классификации карточек, произведенные испытуемыми, а лишь различия между классификациями. Габитус испытуемого можно измерить лишь как различие с габитусом другого испытуемого. Поэтому габитус каждого испытуемого, как различия второго порядка (то есть структурный инвариант серии различий первого порядка), есть система различий между множеством серий различий первого порядка. На самом деле, результатом эксперимента является *пространство габитусов* испытуемых. Это пространство можно получить в результате неметрического многомерного шкалирования матрицы взаимодействий, сконструированной на основе различий произведенных испытуемыми классификаций стимульного материала по произвольным основаниям.

Итак, в рамках предложенного нами метода измерения габитуса предложен и обоснован способ, позволяющий синтезировать различия первого (между стимулами, репрезентирующими социальные позиции) и второго (между полученными в эксперименте различиями, то есть между классификациями, которые произвели испытуемые) порядка. Введенная нами операционализация габитуса формирует специфический предметный универсум — пространство различий между испытуемыми — и проецирует его в пространство различий между социальными позициями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки/ Пер. с нем. А. Водена. СПб.: Наука, 1997. С.423—428.
2. *Хайдеггер М.* Бытие и время/ Пер. с нем. В.В. Библихина. — М.:Ad Marginem, 1997. С. 99—101.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 1 Наука логики/ Отв. ред. Е.П. Ситковский. М.:Мысль, 1974.
4. *Фихте И.Г.* Назначение человека/ Пер. с нем. В.М. Брадиса и Т.В. Поссе//*Фихте И.Г.* Сочинения: В 2 т. Т. 2./ Пер. с нем.; Сост. и примеч. В. Волжского. СПб.:Мифрил, 1993. С. 129.
5. *Фихте И.Г.* Факты сознания/ Пер. с нем. О. Давыдовой под ред. Э.Л. Радлова//*Фихте И.Г.* Сочинения: В 2 т. Т. 2./ Пер. с нем.; Сост. и примеч. В. Волжского. СПб.:Мифрил, 1993. С. 642.
6. *Качанов Ю.Л.* Начало социологии. М.:Институт экспериментальной социологии, СПб.:Алетейя, 2000. С. 32—33, 224, 227.
7. *Bourdieu E.* Savoir Faire. Contribution à une théorie dispositionnelle de l'action. Paris:EEd. du Seuil, 1998.
8. *Bourdieu P.* La Distinction. Critique sociale du jugement. P.:Minuit, 1980.
9. *Bourdieu P.* Esquisse d'une théorie de la pratique: precedee de trois études d'ethnologie kabyle. Geneve:Droz, 1972.
10. *Pinto L.* Pierre Bourdieu et la théorie du monde social. Paris:EEd. Albin Michel S.A., 1998. P 46—51.
11. *Bourdieu P.* Le Sens pratique. Paris:EEd. de Minuit, 1980.
12. *Archer M.S.* Realist social theory: The morfogenetic approach. Cambridge: Cambridge university press, 1995.
13. *Derosières A., Thévenot L.* Les catégories socioprofessionnelles. Paris: Éd. La Découverte, 1988.